

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ДВОРЯНСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ 2-Й ПОЛОВИНЫ XVIII В.

П.А. Тупик, БГПУ (Минск)

В сословной структуре дореволюционной Франции дворянство занимало второе место после духовенства. Чтобы выяснить, чем являлся в глазах современников носитель дворянского титула, достаточно обратиться к словарям и энциклопедиям той эпохи. Они близки друг к другу в раскрытии понятий «дворянин» и «дворянство». Дворянин – это тот, кто выше других, – такова суть всех определений. Вот некоторые из них: «Тот, кто по праву рождения или согласно Королевским Грамотам занимает положение выше третьего сословия Государства» [1, с. 190]; «тот, кто обладает привилегией, которая возвышает его над простолюдными, или от рождения, или в связи с должностью, или по милости Государя»; «положение и качество, которое дают рождение или Королевские грамоты и которое возвышает над простолюдными тех, кто им облечен» [2, с. 133]; «почетный титул, который отличает от большинства людей тех, кто им награжден, и позволяет им пользоваться некоторыми привилегиями» [3, с. 9].

Отличительным признаком дворянского сословия были его привилегии. В обществе, разделенном на сословия, привилегии обеспечивали высокий социальный статус дворянина. Они представляли собой отличия, указывавшие, что их обладатель занимает более высокое положение в обществе по сравнению с теми, кто таких отличий лишен, и давали дворянам политические и экономические преимущества. Дворяне имели право на отдельное представительство в Генеральных штатах. С этой точки зрения дворянство стало единой политической корпорацией именно в конце XVIII в. На выборах в Генеральные штаты 1789 г. все дворяне независимо от происхождения и древности рода получили право участвовать в собраниях и быть депутатами своего сословия, тогда как в прежние времена лица, недавно возведенные в дворянство, должны были заседать в собраниях третьего сословия. За дворянами было закреплено исключительное право занимать ряд военных, церковных, административных и прочих должностей. Существовал целый ряд налоговых привилегий. Дворяне были освобождены от личной тали и сопутствующих ей налогов. Мотивировалось это тем, что талья представляла собой налог, предназначенный на содержание армии, а дворянство считалось военным сословием и платило «налог кровью».

Дворянство, после духовенства, обладало наиболее широким налоговым иммунитетом. Освобождение дворян от ряда налогов не просто приносило определенную материальную выгоду, но и имело важное формально-юридическое значение как признак привилегированного социального статуса дворянина. Уголовные дела дворян слушались в судебных палатах более высокого ранга, чем дела недворян. Наказания за преступления также носили сословный характер. Для дворян был сокращен срок обучения в университетах. Ряд учебных и благотворительных заведений были закрыты для лиц недворянского происхождения. К почетным привилегиям относились право на передаваемое по наследству титул барона, маркиза, графа, виконта или герцога, право носить шпагу, иметь герб, охотиться в королевских угодьях; дворяне не подвергались телесным наказаниям и считавшейся позорной смертной казни через повешение и т. д. По своей значимости почетные привилегии ничуть не уступали всем прочим, хотя и не давали дворянам существенных преимуществ. В Энциклопедии Дидро и д'Аламбера при перечислении дворянских привилегий на первое место поставлено право на наследственность дворянского статуса. Вторым названо право на особое представительство в Генеральных штатах. Должностные привилегии занимают 4-е место, а налоговые – с 7-го по 9-е [4, с. 383–385].

Система сословных привилегий представляла собой важную особенность общественно-политического строя Франции. Она противопоставляла дворянство подавляющему большинству населения, третьему сословию, и обусловила то, что вопрос о привилегиях занял одно из центральных мест в общественно-политической борьбе во Франции, и революция началась в форме конфликта между привилегированными и непривилегированными.

Помимо привилегий дворян объединяли общие черты образа жизни, составлявшие понятие «жить по-дворянски». Ряд занятий считались несовместимыми с принадлежностью к дворянскому сословию. Дворянин не мог заниматься мелкой торговлей, ремеслами, обрабатывать не принадлежащую ему землю, занимать низшие административные и судебские должности, например, судебных исполнителей. Дворянство, сформировавшееся как военное сословие, призвано было служить. Достойной дворянина карьерой традиционно считались армия и флот. Абсолютизм прибавил к этому службу при дворе и государственной аппаратуры. Часть дворян (как правило, это были младшие сыновья) переходила в сословие духовенства. Дворяне могли вообще не состоять ни на военной, ни на гражданской службе и всю жизнь или большую ее часть прожить на своей земле. Но основная масса представителей сословия, которым позволяли средства, стремилась хотя бы непродолжительное время посвятить службе государю.

Существовало особое дворянское самосознание. Осознание дворянством себя как группы. Изучение брачных контрактов показало, что, например, в Париже в 1749 г. из 59 заключенных дворянами браков было 18 смешанных, но во всех случаях дворяне женились на дочерях буржуа, а не наоборот. Смешанные браки такого типа не влекли за собой утраты дворянского статуса и перехода в другую социальную группу [5, с. 74–75, 81–82].

Численно дворянство было сравнительно невелико. Точных сведений нет. В источниках XVIII в. и в исторической литературе встречаются самые разные цифры: от 80 тыс. до 600 тыс. Современные историки, специально изучавшие этот вопрос и сопоставлявшие источники разного рода, склоняются к тому, что дворян в стране было приблизительно 300–400 тыс. человек, или 1–1,5% общего населения страны, насчитывавшего к кануну революции примерно 25–27 млн. человек. Дворянство Франции было одним из самых малочисленных в Европе. В XVIII в. дворяне Польши составили свыше 10% населения, дворяне Испании и Венгрии – свыше 4%. Малочисленность наряду с широким кругом сословных привилегий придавала французскому дворянству особенно элитарный характер, противопоставляя его массе непривилегированного населения [6, с.28–29].

Дворянином можно было не только родиться, но и стать. Существовало несколько источников пополнения сословия извне. Так как дворянство, по традиции, считалось сословием воинов, то естественным было возведение во дворянство (аноблирование) в награду за военную службу. Такой способ получить дворянское достоинство выглядел в наибольшей степени соответствующим законам и обычаям королевства. В XVI–XVIII вв. государство неоднократно издавало указы о порядке аноблирования. Согласно эдикту 1600 г. офицеры освобождались от таля по истечении определенного срока службы. Это являлось первым шагом к получению звания дворянина. В конце старого порядка аноблирования за воинскую службу регулировал эдикт 1750 г., в соответствии с которым недворянин, достигший генеральского звания, аноблировался сразу, а остальные офицеры-недворяне – по истечении определенного для каждого звания срока службы (чем выше звание, тем срок этот был короче) или в случае отставки по ранению. Наиболее интенсивный приток новых людей давали на исходе старого порядка различные должности в центральной и провинциальной администрации и финансовом ведомстве. Должности канцлера, хранителя печатей, государственных секретарей, государственных советников, докладчиков в Государственном совете, многие должности в высших судебных палатах сразу обеспечивали своим обладателям полное наследственное дворянство. Количество аноблирующих должностей было непостоянно. Большая часть их продавалась и переходила по наследству, так что создание новых аноблирующих должностей было одним из тех средств, с помощью которых государство старого порядка пыталось преодолеть финансовые трудности. В отличие от военного по происхождению «дворянства шляги», те кто получил звание дворянина вместе с должностью в государственном аппарате, назывались «дворянством мантии». Разновидностью должностного дворянства являлось «дворянство колокола» – лица, возведенные во дворянство по приобретении должности в городском муниципалитете. Еще одним способом получения дворянства служили королевские жалованные грамоты. Подразумевалось, что их жалуют за заслуги, например, торговцам, промышленникам, врачам, архитекторам, художникам, музыкантам. Поскольку дворянские грамоты продавались, их распространение превратилось в источник пополнения государственной казны. Аноблирование путем продажи грамот неоднократно аннулировалось и вновь возобновлялось, с тем чтобы заставить лишний раз раскошелиться жаждущих приобрести статус дворянина.

Всего в течение XVIII в., по подсчетам Г. Шоссинан-Ногаре, было аноблировано примерно 6500 семей, из них 5510 – через систему продажи должностей. По подсчетам Ж. Мейера, эти цифры еще выше: около 10–11 тыс. семей, аноблированных с 1710 по 1790 г., или приблизительно 50 тыс. человек. Из этих семей 400 аноблированы в соответствии с эдиктом 1750 г. о «военном дворянстве», 800–1000 – согласно королевским жалованным грамотам, а все остальные – в результате приобретения различных должностей т. е. пополнение дворянского сословия осуществлялось главным образом через систему продажи должностей. Если сравнить численность аноблированных с указанным выше общим числом дворян, то станет ясным, что состав дворянского сословия Франции в течение XVIII в. значительно обновился [7, с. 32].

Преуспевшие буржуа стремились стать дворянами, чтобы официально закрепить свое возвышение приобретением к сословным привилегиям. Однако, удовлетворить такое стремление дано было не всем. Во 2-й половине XVIII в. эта проблема особенно обострилась. Экономический подъем, обогащение и усиление буржуазии повышали спрос на дворянский титул, социальный престиж которого был исключительно велик. Без него богатый и уважаемый простолудин не имел юридического подтверждения своей принадлежности к высшим слоям общества, а это имело большое значение в разделенном на сословия обществе старого порядка. Звание дворянина повышало социальное положение индивида, его престиж и помогало обзавестись новыми нужными связями. Но свободно влиться в ряды привилегированного сословия не было возможности. Весь ход социально-экономических процессов во Франции, развитие капиталистических отношений вызывали изменения в социальной структуре. В рамках феодальных сословий началось формирование классов буржуазного общества.

Таким образом, подъем буржуазии сопровождался усилением сословной замкнутости дворянства. Дворянство стремилось заставить барьеры «выскоккам». Абсолютистское государство, поддерживая это стремление, принимало меры с целью «закрывать» привилегированное сословие. Это являлось серьезным фактором дестабилизации социально-политической системы Франции старого порядка. Исключительное положение дворянства и его относительная замкнутость составляли

слабость этого сословия и таили в себе угрозу его политическому могуществу. Дворянское сословие становилось мишенью для недовольства со стороны поднимающейся буржуазии, социальные ожидания которой не находили удовлетворения в рамках социальной структуры старого порядка.

Литература

1. Dictionnaire de l'Academie française. Т. 2. P., 1762, p. 190.
2. Lacombe de Prezel H. Dictionnaire du citoyen. Т. 2. P., 1761, p. 133.
3. Encyclopedie ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des metiers. Т. 23. Geneve, 1779, p. 9.
4. Encyclopedie ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des metiers. Т. 11. Geneve, 1779, p. 383–385.
5. Furet F., Daumard A. Structures et relations sociales a Paris au milieu du XVIII siecle. P., 1961, p. 74–75, 81–82.
6. Meyer J. Noblesses et Pouvoirs dans l'Europe d'Ancien Regime. P., 1974, p. 28–29.
7. Пименова Л.А. Дворянство накануне великой французской революции. М., 1986. С. 32.

ВЛИЯНИЕ ВОЙН 1812–1815 ГГ. НА СОЗДАНИЕ ОТДЕЛЬНОГО ЛИТОВСКОГО КОРПУСА

Ф.А. Некрашевич, БГУ (Минск)

Отдельный Литовский корпус – крупное военное формирование в составе российской армии, комплектовавшееся уроженцами западных губерний (Виленская, Волынская, Гродненская, Минская, Подольская, а также Белостокской области). Большая часть корпуса была расквартирована на территории современной Беларуси.

Создание Отдельного Литовского корпуса было тесно связано с «польским вопросом». Участники Венского конгресса (1814 – 1815) согласились на присоединение к Российской империи большей части бывшего Княжества Варшавского, однако потребовали от нее обязанности ввести на территории вновь созданного Королевства Польского либеральную конституцию. Конституция сильно ограничивала на территории Королевства Польского власть российского императора. В итоге, российский самодержец на небольшой части своей империи становился конституционным монархом. Неслучайно, что новость о введении конституции вызвала огромный интерес в западных губерниях.

После Венского конгресса у образованной части общества несколько лет сохранялась надежда на присоединение белорусско-литовских губерний к Королевству Польскому. С целью усиления позиций России на европейской арене, эти надежды «подогревал» и российский император. Александр I неоднократно публично (на сеймах в Варшаве) и в частных разговорах высказывал желание объединить западные губернии империи с Королевством Польским.

Определенные меры, которые осуществил император, будто бы подтверждали это. В 1816 г. произошла либерализация таможенного тарифа, а в 1819 г. был заключен таможенный союз между Россией и Королевством Польским. В 1816–1819 гг. на руководящие посты в белорусских губерниях были назначены местные уроженцы, а в 1817 г. – создан Отдельный Литовский корпус. Официально Отдельный Литовский корпус был образован 1 июля 1817 г. [6, с. 438]. Командующим корпуса стал цесаревич Константин Павлович.

Создание Отдельного Литовского корпуса сопровождалось значительным изменением личного состава вошедших в него частей. Солдаты российской армии, которые являлись уроженцами западных губерний переводились в полки Отдельного Литовского корпуса. Солдаты полков корпуса, которые являлись уроженцами прочих губерний империи, переводились в другие воинские части.

Вначале Отдельный Литовский корпус был укомплектован исключительно рядовыми, имевшими за спиной солидный опыт боевой службы. Причиной тому были отмены рекрутских наборов 1816 и 1817 гг. [10, с. 89–90], т.е. солдаты-новобранцы просто не могли попасть в корпус в 1817 г. Таким образом, в момент своего образования рядовой состав корпуса был укомплектован исключительно ветеранами наполеоновских войн. Впоследствии Отдельный Литовский корпус вплоть до 1827 г. комплектовался уроженцами 6 западных губерний и Белостокской области [4, с. 128; 2, с. 13].

Как, известно, во время войны 1812 г. уроженцы белорусских губерний воевали по обе стороны баррикад. К зиме 1812 г. войска ВКЛ насчитывали около 20 тыс. чел. [3, с. 63]. Однако не смотря на объявленную в 1814 г. всеобщую амнистию, царское правительство не рискнуло принимать на службу в российскую армию бывших солдат наполеоновской армии. Впоследствии многие уроженцы белорусских губерний, воевавшие на стороне Наполеона, смогли поступить на службу в армию Королевства Польского. Таким образом, далеко не все уроженцы западных губерний, принимавшие участие в войне 1812 г., могли быть приняты на службу в Отдельный Литовский корпус. Главным критерием отбора был не боевой опыт, а верность царскому правительству.

Генералитет Отдельного Литовского корпуса также комплектовался офицерами российской императорской армии. Уроженцы Речи Посполитой, участвовавшие в войне 1812 г. на стороне Наполеона, и вступившие в армию Королевства Польского, а службе в корпусе не допускались. Тем не менее были и единичные исключения. Так, членом провиантской комиссии Отдельного Литовского корпуса был участник наполеоновских войн в составе польского 3-го уланского полка А.И. Косаковский [1, с. 131].